

Цзян Сяоэр, с покрасневшимися щеками, долго смотрел на молочные конфеты и спросил детским голосом:

— Старший брат, откуда эти конфетки? Ты уже ел?

Цзян Сяои уклонился от ответа на первый вопрос и лишь сказал:

— Я уже ел. — Он добавил, наставляя их: — Мне нужно идти за дровами. Вы с Мишкой ведите себя хорошо, оставайтесь дома. Я вернусь к обеду.

— Угу! — дружно ответили Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань.

Когда Цзян Сяои ушёл, Цзян Сяоэр выплюнул конфету, завернул её и осторожно положил в карман, похлопав по нему для надёжности.

Цзян Сяосань, с конфетой за щекой, выглядел как хомяк. Он с удивлением спросил:

— Второй брат, ты почему не ешь?

— Оставлю на потом, нельзя всё сразу съесть. Ты ешь. Когда съешь, у меня ещё есть. У меня...

— Цзян Сяоэр заглянул в карман и, поскольку считать ещё не умел, показал три пальчика. — У меня вот столько. Одну я отдам старшему брату, одну — отцу, а последнюю мы будем вместе лизать.

Цзян Сяосань на мгновение замер.

— Тогда я тоже не буду есть. Тоже оставлю для старшего брата и отца. Конфеты такие вкусные, если съесть, то больше не будет. Нельзя съесть всё сразу, нужно оставить на потом, правда, второй брат?

Цзян Сяоэр решительно кивнул.

— Угу! Младший брат поумнел.

Бай Цзыму, слушавший их разговор, почувствовал, как у него сжалось сердце. В его пространственной сумке было ещё много сладостей. Когда он только спустился с горы, он обожал такие вещи и купил их впрок. Конечно, он и сейчас их любит. Если бы не то, что Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань, получив что-то вкусное, всегда вспоминали о нём, он бы ни за что не поделился.

Бай Цзыму был вынужден играть с ними весь день. Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань, наевшись конфет, были в таком восторге, что их радостное настроение не утихало до самого вечера. Во время игр они то и дело заглядывали в карманы, видимо, очень хотели съесть ещё, но жалели. Они просто смотрели на конфеты и, казалось, были этим довольны.

***

В полдень Цзян Сяои вернулся, приготовил обед, и, как только они поели, снова ушёл в горы. Вернулся он только к вечеру, неся на спине корзину, полную бамбуковых побегов.

Вечером он снова взялся мыть Бай Цзыму.

Бай Цзыму тщетно пытался намекнуть ему, что они не подходят друг другу и что пора прекратить это, так как у него уже развивалась фобия мытья. Но Цзян Сяои, казалось, не понимал. На следующий день он снова его помыл. И всё было по-старому: сначала вёл себя прилично, будто просто моет, а потом его руки медленно, но верно начинали скользить к его промежности.

Цзян Сяои не слушал уговоров. Бай Цзыму не знал, то ли его намёки были слишком тонкими, и Цзян Сяои их не понимал, то ли он притворялся, что не понимает. В конце концов, раз намёки не работают, придётся сказать прямо.

Но...

Цзян Сяои, кажется, был не из тех, с кем можно шутить. Если он скажет всё в лицо, не влепит ли ему Цзян Сяои в гнев пощёчину? Этот парень постоянно работает, руки у него сильные. Если ударит, он, наверное, три раза перевернётся, прежде чем упадёт.

Ради спасения своей жизни, говорить напрямую нельзя.

Бай Цзыму долго думал, и вдруг его осенило: раз нельзя сказать в лицо, можно явиться ему во сне.

***

Среди ночи Цзян Сяои, в полудрёме, увидел сон.

Во сне шёл мелкий весенний дождь, и он собирался сажать рис. Идя по узкой кромке поля, он вдруг оступился и, покачнувшись, начал падать в залитое водой поле.

Сон начинался как обычно. Раньше, когда ему снился этот сон, он в момент падения инстинктивно дёргал ногой и просыпался.

Но сегодня внезапно появилась чья-то рука, которая крепко обхватила его сзади и удержала, а затем, словно избегая лишних прикосновений, тут же отпустила.

Цзян Сяои испугался и, не удержав равновесия, начал падать назад. Тот человек снова протянул руку и поддержал его. Цзян Сяои упал ему в объятия. Его спина прижалась к груди незнакомца, и его окутал лёгкий, чужой запах. Ладонь, державшая его, была необычайно тёплой. Цзян Сяои тут же напрягся.

Они стояли слишком близко, почти без зазора, их разделяли лишь два тонких слоя ткани, и тепло их тел беспрепятственно передавалось друг другу. В воде отражались их силуэты.

Это был высокий мужчина, его рука, державшая Цзян Сяои, была сильной и мускулистой.

Не успев прийти в себя от испуга, он услышал над головой мягкий голос:

— Ты в порядке?

Цзян Сяои вздрогнул. Это был голос Бай Цзыму.

«Нет... это человек».

Цзян Сяои поспешно отступил на несколько шагов и поднял голову... Его лицо мгновенно изменилось и залилось румянцем.

Бай Цзыму был одет в белый спортивный костюм. Ростом под метр девяносто, с широкими плечами и длинными ногами, на руках — напульсники, на ногах — белые кроссовки. Его обнажённые икры были прямыми и стройными, с красивыми линиями. На лбу — светло-голубая повязка.

Сердце Цзян Сяои бешено заколотилось. Ему показалось, что одежда незнакомца выглядит странно, но в то же время очень чисто и красиво, придавая ему энергичный и солнечный вид.

Цзян Сяои застыл.

За свои девятнадцать лет он ни в одной из окрестных деревень не видел такого красивого мужчины. И дело было не только в красоте, он был по-настоящему прекрасен: прямой нос, выразительные черты лица, светлая кожа, тонкие губы. Каждая черта его лица была совершенна, особенно глаза — холодные и притягательные, с чуть приподнятыми уголками, словно соблазняющие.

Цзян Сяои повидал некоторое разнообразие в жизни. В отличие от других гэ'эров и девушек, он то и дело бывал в городе. Он видел немало изящных учёных и богатых молодых господ, но

никто из них не производил на него такого впечатления с первого взгляда.

Бай Цзыму, видя его застывшее выражение, приоткрытый рот и глуповатый вид, усмехнулся.

— Испугался?

Это действительно был голос Бай Цзыму.

От его смеха Цзян Сяои чуть снова не потерял голову. Он вытер рот и, покраснев, спросил:

— Ты... ты Бай Цзыму?

— Угу.

Цзян Сяои широко раскрыл глаза, не веря своим ушам.

«Медвежонок оказался таким красавцем?»

— Бро, у меня мало сил, я не могу долго оставаться в твоём сне, — мягко сказал Бай Цзыму. — Я пришёл сегодня, чтобы сказать тебе: у людей и демонов разные пути. У нас... нет будущего. Поэтому, умоляю, отпусти меня!

— А? — произнёс Цзян Сяои, не совсем понимая.

Бай Цзыму подумал, что тот ему не верит, и, слегка наклонившись, посмотрел ему в глаза.

— Правда, я не вру. Посмотри в мои глаза, они такие искренние.

Уши Цзян Сяои затрепетали, сердце стучало как барабан. Бай Цзыму просил его посмотреть, но он не смел.

«Он действительно так выглядит, или это просто сон? Наверное, сон. Разве в мире могут быть такие люди, такие... такие красивые».

Бай Цзыму решил, что сказал всё, что нужно, и покинул сон. Теперь Цзян Сяои, зная, что между ними ничего не может быть, больше не будет к нему приставать.

«Наконец-то... покой».

«А? Что это?»

«Почему кто-то трогает мою задницу?»

Бай Цзыму открыл глаза и увидел, что Цзян Сяои смотрит на него горящим взглядом.

— Ты проснулся, — улыбнулся тот, выглядя очень счастливым. — Вчера ты мне приснился. Ты умеешь превращаться?

«Ещё чего, превращаться! Я что, бронированный воин?»

«Это называется трансформация».

Бай Цзыму закатил глаза.

Видя, что он не отвечает, Цзян Сяои снова потряс его, нетерпеливо спрашивая:

— Ну так что, умеешь?

Бай Цзыму молчал.

Он тщательно прокрутил в голове вчерашний разговор. Он сказал всё предельно ясно. По идее, Цзян Сяои не должен был так реагировать. Даже если бы он не рассердился, то должен был расстроиться. А он, наоборот, разволновался.

«Может, я что-то упустил?»

«Вчера Цзян Сяои почти ничего не говорил, только стоял с опущенной головой... опущенной головой...»

«Чёрт!»

Бай Цзыму понял, что всё пропало.

Вчера он думал, что отказал ему, и Цзян Сяои опустил голову от горя. Но тот был весь красный и теребил край одежды, что явно говорило о смущении. Как он мог подумать, что Цзян Сяои расстроен? Кто расстраивается с красным лицом?

«Вот я влип!»

— Умеешь или нет? — снова допытывался Цзян Сяои.

Бай Цзыму не смел ничего говорить. Он отвернулся и сделал вид, что его это не касается.

Молодые люди падки на красивую внешность, им нравятся симпатичные. У его праправнука была развлекательная компания. Однажды они снимали сериал, который был очень популярен ещё на стадии публикации романа. Его внук купил права и нанял известного режиссёра. Главных героев быстро утвердили — это были самые популярные на тот момент звёзды. Сериал снимали и транслировали одновременно. Но после трёх серий актёр, игравший второго главного героя, отказался от роли, даже согласившись выплатить неустойку.

Почему?

Потому что его персонаж был настоящим злодеем, которого следовало расстрелять. Он силой добивался своего, отбивал чужую любовь, незаконно удерживал главную героиню, издевался над ней физически и морально, используя самые низкие методы. В комментариях к роману творился ад: девять из десяти комментариев были проклятиями в адрес этого злодея, а десятый — в адрес его предков.

Сниматься в такой роли было рискованно. Если сыграть убедительно, можно было получить признание, но также и столкнуться с травлей в сети, вплоть до ухода из профессии. Если сыграть плохо — тоже ждала волна критики. В общем, с какой стороны ни посмотри — одни неприятности.

Но это был крупный проект, и даже роль лакея, подающего чай, была нарасхват. Однако зрители так яростно ругали персонажа, что съёмочная группа была вынуждена сменить шесть актёров на эту роль. Съёмки затягивались. Внук не хотел богатеть на неустойках и уговорил сняться Бай Цзыму. Как только сериал вышел на экраны, зрители были в шоке.

Все ждали злобного антагониста, которого можно было бы ненавидеть, и уже приготовились ругать любого, кто бы ни сыграл эту роль, но...

Ругать не получалось. Просто не получалось.

«Этот человек что, питается одной красотой?»

«Какой же это злодей, это же красавчик!»

«И вообще, такому красавчику можно быть и немного плохим».

Такой мужчина мог бы подсыпать им крысиного яду, и они бы его не возненавидели, не говоря уже о каком-то там афродизиаке.

У молодых девушек моральные принципы следуют за внешностью. Они бросились в комментарии ругать главную героиню, называя её неблагодарной, и спрашивали режиссёра, где можно найти такого злодея, дайте им десять штук.

«Он был просто убийственно красив».

Все называли его парнем из манги, преследовали его повсюду, выяснили даже цвет его нижнего белья. Бай Цзыму был в ужасе и полмесяца не выходил из дома.

«Как я мог об этом забыть? Явиться ему в своём истинном облики... Теперь Цзян Сяои точно от меня не отстанет».

«Всё, дело труба!»

Цзян Сяои, видя, что тот молчит, подумал, что он хочет спать, и больше не настаивал.

<http://bllate.org/book/13701/1587617>